

Владимир
ВЫСОЦКИЙ

Охота на волков

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В93

Оформление серии
«Золотая коллекция поэзии»
Натальи Ярусовой

Высоцкий, Владимир Семенович.

В93 Охота на волков / Владимир Высоцкий. —
Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Золотая кол-
лекция поэзии).

ISBN 978-5-04-186859-8

Владимир Высоцкий считал литературный труд главным делом своей жизни: «...песни требуют колоссальной отделки и шлифовки...», они для поэта «...никакое не хобби, нет!». Однако при жизни стихотворения и песни Высоцкого не печатались, несмотря на то что в них читатель мог найти безграничное достоинство, понимание человеческой души и слова об истинной любви. Ироничность Высоцкого, его неумение подстраиваться под общее мнение, способность увидеть мир глазами людей из самых разных социальных слоев, особенная созидательность его творчества делают стихотворения и песни поэта живыми, актуальными и в настоящее время.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-186859-8

© Высоцкий В.С., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Если друг
оказался вдруг
И не друг, и не враг,
а так;
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош, —
Парня в горы тяни —
рискни! —
Не бросай одного
его:
Пусть он в связке в одной
с тобой,
Там поймешь, кто такой.
Если парень в горах —
не ах,
Если сразу раскис —
и вниз,

Шаг ступил на ледник —
и сник,
Оступился —
и в крик, —
Значит, рядом с тобой —
чужой,
Ты его не брани —
гони:
Вверх таких не берут
и тут
Про таких не поют.
Если ж он не скулил,
не ныл,
Пусть он хмур был и зол,
но шел,
А когда ты упал
со скал,
Он стонал,
но держал;
Если шел он с тобой
как в бой,
На вершине стоял — хмельной, —
Значит, как на себя самого
Положись на него!

1966

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАВНИНА

Здесь вам не равнина, здесь климат иной —
Идут лавины одна за одной,
И здесь за камнепадом ревет камнепад, —
И можно свернуть, обрыв обогнуть, —
Но мы выбираем трудный путь,
Опасный, как военная тропа.

Кто здесь не бывал, кто не рисковал —
Тот сам себя не испытал,
Пусть даже внизу он звезды хватал с небес:
Внизу не встретишь, как ни тянись,
За всю свою счастливую жизнь
Десятой доли таких красот и чудес.

Нет алых роз и траурных лент,
И не похож на монумент
Тот камень, что покой тебе подарил, —
Как Вечным огнем, сверкает днем
Вершина изумрудным льдом —
Которую ты так и не покорил.

И пусть говорят, да, пусть говорят,
Но — нет, никто не гибнет зря!

Так лучше — чем от водки и от простуд.
Другие придут, сменив уют
На риск и непомерный труд, —
Пройдут тобой не пройденный маршрут.

Отвесные стены... А ну — не зевай!
Ты здесь на везение не уповай —
В горах не надежны ни камень, ни лед,
ни скала,

Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк —
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Мы рубим ступени... Ни шагу назад!
И от напряженья колени дрожат,
И сердце готово к вершине бежать из груди.
Весь мир на ладони — ты счастлив и нем
И только немного завидуешь тем,
Другим — у которых вершина еще впереди.

1966

ВОЕННАЯ ПЕСНЯ

Мерцал закат, как сталь клинка.
Свою добычу смерть считала...
Бой будет завтра, а пока
Взвод зарывался в облака
И уходил по перевалу.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

А до войны — вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен, —
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Ты снова здесь, ты собран весь —
Ты ждешь заветного сигнала.

И парень тот — он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс», —
Их надо сбросить с перевала!

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

Взвод лезет вверх, а у реки —
Тот, с кем ходил ты раньше в паре.
Мы ждем атаки до тоски,
А вот альпийские стрелки
Сегодня что-то не в ударе...

Отставить разговоры!
Вперед и вверх, а там...
Ведь это наши горы —
Они помогут нам!

1966

СКАЛОЛАЗКА

Я спросил тебя: «Зачем идете в гору вы? —
А ты к вершине шла, а ты рвалася в бой. —
Ведь Эльбрус и с самолета видно здорово...»
Рассмеялась ты — и взяла с собой.

И с тех пор ты стала близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя, —
Первый раз меня из трещины вытаскивая,
Улыбалась ты, скалолазка моя!

А потом за эти проклятые трещины,
Когда ужин твой я нахваливал,
Получил я две короткие затрещины —
Но не обиделся, а приговаривал:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!..»
Каждый раз меня по трещинам выискивая,
Ты бранила меня, альпинистка моя!

А потом на каждом нашем восхождении —
Ну почему ты ко мне недоверчивая?! —

Страховала ты меня с наслаждением,
Альпинистка моя гуттаперчевая!

Ох, какая ж ты не близкая, не ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!
Каждый раз меня из пропасти вытаскивая,
Ты ругала меня, скалолазка моя.

За тобой тянулся из последней силы я —
До тебя уже мне рукой подать, —
Вот долезу и скажу: «Довольно, милая!»
Тут сорвался вниз, но успел сказать:

«Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя скалоласковая!..»
Мы теперь с тобою одной веревкой связаны,
Стали оба мы скалолазами!

1966

ПРОЩАНИЕ С ГОРАМИ

В суету городов и в потоки машин
Возвращаемся мы — просто некуда деться! —
И спускаемся вниз с покоренных вершин,
Оставляя в горах свое сердце.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Кто захочет в беде оставаться один,
Кто захочет уйти, зову сердца не внемля?!
Но спускаемся мы с покоренных вершин, —
Что же делать — и боги спускались на землю.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых еще не бывал.

Сколько слов и надежд, сколько песен и тем
Горы будят у нас — и зовут нас остаться! —
Но спускаемся мы — кто на год, кто совсем, —
Потому что всегда мы должны возвращаться.

Так оставьте ненужные споры —
Я себе уже все доказал:
Лучше гор могут быть только горы,
На которых никто не бывал!

1966

* * *

Свои обиды каждый человек —
Проходит время — и забывает.
А моя печаль — как вечный снег:
Не тает, не тает.

Не тает она и летом
В полуденный зной, —
И знаю я: печаль-тоску мне эту
Век носить с собой.

1966

ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ¹

Наверно, я погиб: глаза закрою — вижу.
Наверно, я погиб: робею, а потом —
Куда мне до нее — она была в Париже,
И я вчера узнал — не только в ём одном!
Какие песни пел я ей про Север дальний! —
Я думал: вот чуть-чуть — и будем мы на «ты», —

¹ Эта песня посвящена Ларисе Лужиной.

Но я напрасно пел о полосе нейтральной —
Ей глубоко плевать, какие там цветы.

Я спел тогда еще — я думал, это ближе —
«Про счетчик», «Про того, кто раньше с нею
был»...

Но что ей до меня — она была в Париже, —
Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил!

Я бросил свой завод — хоть, в общем, был
не вправе, —

Засел за словари на совесть и на страх...

Но что ей от того — она уже в Варшаве, —
Мы снова говорим на разных языках...

Приедет — я скажу по-польски: «Прошу, пани,
Прими таким как есть, не буду больше петь...»

Но что ей до меня — она уже в Иране, —
Я понял: мне за ней, конечно, не успеть!

Она сегодня здесь, а завтра будет в Осле, —
Да, я попал впросак, да, я попал в беду!..

Кто раньше с нею был и тот, кто будет после, —
Пусть пробуют они — я лучше пережду!

1966

И когда наши девушки сменят шинели
на платьица, —
Не забыть бы тогда, не простить бы
и не потерять!..

<1966 или 1967>

ГОЛОЛЕД

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Будто нет ни весны, ни лета —
В саван белый одета планета —
Люди, падая, бьются об лед.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Даже если всю Землю — в облет,
Не касаясь планеты ногами, —
Не один, так другой упадет
На поверхность, а там — гололед! —
И затопчут его сапогами.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Только — лед, словно зеркало, лед,
Но на детский каток не похоже, —
Может — зверь не упавши пройдет...
Гололед! — и двуногий встает
На четыре конечности тоже.

Гололед на Земле, гололед —
Целый год напролет гололед.
Гололед, гололед, гололед —
Целый год напролет, целый год.

Зима 1966/67, ред. <1973>

* * *

Вот — главный вход, но только вот
Упрашивать — я лучше сдохну, —
Вхожу я через черный ход,
А выходить стараюсь в окна.

Не вгоняю я в гроб никого,
Но вчера меня, тепленького —

Хоть бываю и хуже я сам, —
Оскорбили до ужаса.

И, плюнув в пьяное мурло
И обвязав лицо портьерой,
Я вышел прямо сквозь стекло —
В объятья к милиционеру.

И меня — окровавленного,
Всенародно прославленного,
Прям как был я — в амбиции
Довели до милиции.

И, кулаками покарав
И попинав меня ногами,
Мне присудили крупный штраф —
За то, что я нахулиганил.

А потом — перевязанному,
Несправедливо наказанному —
Сердобольные мальчишки
Дали спать на диванчике.

Проснулся я — еще темно, —
Успел поспать и отдохнуть я, —
Встаю и, как всегда, — в окно,
Но на окне — стальные прутья!

И меня — патентованного,
Ко всему подготовленного, —
Эти прутья печальные
Ввергли в бездну отчаянья.

А рано утром — верь не верь —
Я встал, от слабости шатаюсь, —
И вышел в дверь — я вышел в дверь!
С тех пор в себе я сомневаюсь.

В мире — тишь и безветрие,
Чистота и симметрия, —
На душе моей — тягостно,
И живу я безрадостно.

Зима 1966/67

* * *

Корабли постоят — и ложатся на курс, —
Но они возвращаются сквозь непогоды...
Не пройдет и полгода — и я появлюсь, —
Чтобы снова уйти на полгода.

Возвращаются все — кроме лучших друзей,
Кроме самых любимых и преданных женщин.